

М. М. КАЗАНСКИЙ

Национальный центр научных исследований (CNRS) (Париж, Франция)

ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ У ГУННО-БОЛГАР ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПОСТГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация: Предпринята попытка с помощью археологических данных определить географию центров власти степных племен во второй половине V – первой половине VI вв. на территории между бассейнами Дуная и Дона. Богатые находки престижного характера, погребения и поминальные комплексы, а также золотые монеты маркируют центры власти в постгуннской степи. Особо следует отметить богатство находок в Ялпуге, близ дельты Дуная и в Морском Чулеке, у устья Дона, очевидно, связанное с очень высоким статусом погребенных там людей. Можно предположить, что обе находки достаточно точно указывают на локализацию центров власти у степных кочевников послеаттиловской эпохи. Скорее всего, с болгарами, или же с гуннами сыновей Аттилы связаны находки в Ялпуге, Новогригорьевке (на Днепре) и в Ольвии. Донские находки и золотые монеты указывают на существование здесь некоего центра власти, связанного с оногурами. Наконец, погребение из Чикаренко в Крыму может принадлежать альтиагирам.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, постгуннское время, «княжеские» находки, гунны, болгары, оногуры.

Не знаю, помнит ли кто-нибудь, что Александр Ильич Айбабин начинал свою научную жизнь не как специалист по археологии Крыма. Под руководством Михаила Илларионовича Артамонова в Ленинградском университете он написал и успешно защитил дипломную работу о знаменитом Перещепинском «кладе», принадлежавшем раннесредневековым кочевникам Северного Причерноморья. Поэтому данной статьей я хотел бы напомнить и об этой стороне научной деятельности юбиляра.

После падения державы Аттилы в 454/455 гг. кочевые гуннские и болгарские народы остаются хозяевами понтийских степей. В данной работе предпринята попытка с помощью археологических находок определить центры власти степных

племен в постгуннское время, т.е. во второй половине V – первой половине VI вв. на территории между бассейнами Дуная и Дона.

География расселения кочевых народов в постгуннское время в Северном Причерноморье определяется в общих чертах благодаря данным письменных источников (рис. 1). Редкие археологические находки того времени (рис. 1, 1–7), хотя и определяют общие географические рамки территории, занятой степными кочевниками [11, с. 108–121; 25; 16; 31], но сами по себе информации о принадлежности конкретных памятников тому или иному гунно-болгарскому народу не несут. Как сообщает Иордан, после разгрома гуннов при Недао в 454/455 гг. сыновья Аттилы со своими ордами закрепляются в Северо-Западном Причерноморье [12, § 263]. Эрнак, младший сын Аттилы занимает удаленную часть Малой Скифии, в то время как его братья Эмнетзур и Ультзиндур¹ поселятся в «прибрежной Дакии», т.е. на Нижнем Дунае [12, § 266]. Около 456 г. сыновья Аттилы были разгромлены остроготов в Паннонии и бежали на Днепр [12, § 269]. Несколько позднее, в 466 г. Динтцик, сын Аттилы снова нападает на готов и опять терпит поражение. Под его началом тогда находятся ултзиндуры, биттугуры бардоры и ангискиры [12, § 272, 273]. Ангискиры, несомненно, являются германским народом [о них см.: 13], в то время как биттугуры и бардоры обычно считаются гуннскими племенами. Бардоры сопоставляются с гуннским племенем витторы/витгоры [3, с. 62], последних упоминает Агафий Миринейский в своем описании заключительной фазы Готской войны Юстиниана в Италии [1, II.13]. Агафий также упоминает известные ему гуннские народы котригуров, утигуров, ультизуров и вуругундугов (может быть, бардоры Иордана?). Ультизуры и вуругундуры слыли могущественными во времена императора Льва (457–474 гг.), потом они исчезли [1, V.11]. Что же до котригуров/кутригуров и утигуров, то эти два названия появляются в источниках только с конца 540-х – начала 550-х гг.² Скорее всего, до этого времени те и другие особой военно-политической роли не играли и входили в состав других, более значимых объединений кочевни-

¹ По свидетельству Приска в начале 430-х гг. гуннский предводитель Руа вступает в войну с народами Дуная: амилзурами, итимарами, тоносурами и воисками [21, фр. 1]. Если верить Иордану, в момент появления гуннов в понтийских степях около 375 г. эти народы жили не на Дунае, а где-то на берегах Меотиды, то ли на Нижнем Дону, то ли в Восточном Крыму. Иордан их перечисляет в том же порядке, что и Приск – алпидзуры, алцилдзуры, итимары, тункарсы, боиски [12, § 126]. Очень возможно, что Иордан позаимствовал этот список народов у Приска. Можно предполагать, вслед за А. В. Гадло [7, с. 14], что амилдзуры/альпидзуры/алцилдзуры, итимары, тоносуры/тункарсы и воиски/боиски пришли на Нижний Дунай из степей Приазовья под давлением гуннов.

² Пожалуй, впервые эти названия появляются в зафиксированных Прокопием рассказах посольства готов-тетракситов, имевшего место в 547 г. [22, IV.4.9, 19.14].

ков, или же речь идет о совершенно новых политических образованиях кочевников³ [14, с. 50].

Около 480–481 гг. в Северо-Западном Причерноморье появляется новый народ – болгары. Впрочем, по легенде, рассказанной Павлом Диаконом, болгары уже в начале V в. атакуют лангобардов, проживавших тогда к северу от Среднего Дуная [35, I.16]. Появление здесь болгар в это время могло бы свидетельствовать об их включении в гуннский союз. Однако речь идет именно о легенде, другие авторы фиксируют болгар лишь с 480 г., когда они появляются в качестве весомой военной силы на дунайской границе Восточной Римской империи. Император Зенон приглашает их против готов [30, fr. 211,4; см.: 3, с. 80]. Таким образом, вполне вероятно, что болгары – это новый народ, появившийся или, по крайней мере, проявивший себя в Северном Причерноморье только после падения империи Аттилы. Болгар упоминает в своем географическом описании Скифии Иордан, отражающем, на мой взгляд, ситуацию 480–520 гг. [подробнее: 14, с. 76–78]. Иордан помещает их над Понтийским морем, скорее всего, в Северо-Западном Причерноморье, сравнительно недалеко от нижнедунайских границ Империи, поскольку здесь болгары выступают как враги ромеев [12, § 36, 37]. В том же географическом очерке Иордан указывает и имя степных обитателей Крыма – это гунны-альциагиры [12, § 37]. Согласно А. И. Айбаину, крымскими альциагирами были, в частности, напавшие около 537 г. на Боспор гунны под предводительством Муагерия [2, с. 96, 97].

Что касается восточной половины северопонтийских степей, то господствовавшие там при Аттиле и управляемые одним из его сыновей гунны-акациры около 463 г. были разбиты коалицией сарагур, оногур/хунугур и урогов (угров?) [21, фр. 30; см.: 3, с. 76]. Свидетельства авторов второй половины V – VII вв. позволяют разместить сарагур на Северо-Восточном Кавказе, где они воюют с персами [21, фр. 37], а угров – где-то на Нижней Волге [24, VII.7.1.13; 3, с. 62–64]. Хунугуры Иорданом не локализованы, известно лишь, что они занимаются торговлей мехом [12, § 36, 37]. Зато у Равеннского Анонима (конец VII – начало VIII вв.), использовавшего описание Скифии Иордана (автор сам об этом говорит), страна Оногория находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота [23, IV.2; см.: 20, с. 162]. На этом основании логичнее всего разместить оногур/хунугуров в Северном Приазовье, близ устья Дона, представлявшего собой удобную дорогу на север, что и объяснило бы их участие в торговле мехом [подробнее: 15]⁴.

³ Показательно, что между 539 и 559 гг. степные кочевники Северного Причерноморья не предпринимают никаких самостоятельных военных акций на западных рубежах Византии. Как раз на этот период, особенно на 545–551 гг. приходится серия мощных вторжений склавинов на балкано-дунайские провинции Империи. Не исключено, что в 540-е гг. в понтийских степях происходит серьезная военно-политическая перестройка, что, с одной стороны, надолго отвлекло степных кочевников от внешних военных акций, а с другой – развязало руки склавином.

Рассмотрим некоторые археологические находки, свидетельствующие о локализации центров власти у северопонтийских кочевников в постгуннское время. Речь идет о богатых находках с вещами престижного характера, маркирующих географию таких центров.

Наиболее западной является случайная находка (или грабительские раскопки) 2006 г. на правом берегу озера Ялпуг, близ дельты Дуная (рис. 2). Сейчас берег озера разрушен водами. Вещи, кажется, были обнаружены в воде [8; 19; 34]. Они помещались в бронзовый сосуд (диаметром 35 см, высотой 10 см), с двумя ручками, украшенными лебедиными головами [19, с. 366]. Большая часть вещей бесследно пропала, сохранились лишь фотографии. Некоторые вещи были впоследствии идентифицированы в составе частных коллекций [например: 34, fig. 2]. Всего обнаружено не менее 49 вещей, их значительная часть изготовлена из золота, с декором из гранатов и бирюзы в стиле клуазоне (рис. 2)⁵. Это фрагменты декора клинкового оружия, детали ременной гарнитуры, седельные накладки типа Засецкая 1б – Ахмедов 5 [см. 4, с. 25, 26; 9, с. 46; 10, с. 143], аппликации в виде фигурок львов, возможно, от луки седла [см.: 4, с. 40, 41; 33, S. 195–198], фрагменты удила и др. [19, с. 366–370; 34]. По параллелям из «княжеских» и «королевских» погребений в Центральной и Западной Европе эти вещи были справедливо отнесены ко второй половине V в., при этом обоснованно предполагается происхождение вещей из византийских мастерских [34, р. 88]. Предполагалось даже, что вещи принадлежали какому-то варварскому вождю на службе Империи [19, с. 371, 372].

Еще одна престижная находка происходит из степей Днепровского Левобережья. На берегу р. Конка в 1884 г. Д. Я. Самоквасовым было исследовано несколько захоронений. В погребении VII под каменной закладкой были обнаружены кусочки угля, какие-то жженные кости, красноглиняный фрагментированный сосуд, согнутый железный меч, трехлопастные наконечники стрел, железные удила, бронзовые, обтянутые золотым листком бляшки с человеческими личинами, штампованные бронзовые пластины-накладки и лунница, также обтянутые золотым листом (рис. 3, 13–22) [9, с. 165, табл. 6]. По штампованным пластинам и антропоморфным накладкам находка может быть отнесена к постгуннскому, т.н. шиповскому горизонту [11, с. 113]. Определение данного комплекса как погребения является сугубо предположительным, речь может идти и о т.н. поминальном комплексе.

Ряд престижных вещей постгуннского времени происходит из Ольвии. Это, во-первых, металлическая обкладка седла типа 4а по И. П. Засецкой, имеющая аналогии в могильниках постгуннского времени Дюрсо и Шипово [9, с. 46; 10, с. 45],

⁴ Не исключено, что в течение VII в. их территория могла сместиться к востоку от Дона и Азовского моря, где, возможно, их упоминает «Армянская География» под именем «Огхондор-Блкар – пришельцы» [3, с. 167–169; 7, с. 58, 69].

⁵ Благодарю Олега Савельева за любезно предоставленный оригинал фотографии из публикации [8].

а также пряжка стиля клуазоне (рис. 4,1)⁶, с овальными рамкой и щитком [17, с. 104, 105, рис. 47; 37], типичная для мужских «вождеских» могил. Изредка пряжки с овальными щитком и рамкой встречаются и в богатых женских погребениях [см., например: 29, рl. XIV]. Пряжки, подобные найденной в Ольвии, имеют средиземноморское происхождение [см.: 26; 28; 32]. Скорее всего, ольвийские вещи происходят из разрушенных гунно-болгарских погребений, поскольку во второй половине V в. античный город уже не существовал, а здешние степи были заняты кочевниками. Впрочем, здесь следует проявлять осторожность, поскольку торговцы древностями часто указывали как место происхождения вещей известные античные памятники, в частности «Ольвия» или «Керчь», чтобы поднять цену.

Необходимо упомянуть и так называемый Ольвийский клад [36, № 166], который представляет собой покупку, точное происхождение предметов неизвестно (рис. 5). Можно однако утверждать, что вне всякого сомнения вещи входили в состав престижного женского убора, возможно, происходящего из погребения. Принадлежность данного убора гунно-болгарам гипотетична и опирается, в основном, на его происхождение якобы из Ольвии. Клад включает в себя предметы женского убора, такие как кольцо с овальным медальоном, браслеты, серьги, перстни, булавки. Вещи явно принадлежат к числу византийских изделий второй половины V в. и представляют собой престижный женский убор [16].

Несколько восточнее, уже в Северном Приазовье, было найдено погребение Дмитриевка – Вольная Вода (рис. 4,2). Это ингумация, сопровождавшаяся захоронением коня и парадным мечом византийского происхождения, датированным второй половиной V в. [11, с. 110].

Также несколько изолированно выглядит и курганное погребение Чикаренко в Северо-Восточном Крыму, содержащее остатки ингумации с богатым инвентарем, в т.ч. с парадным мечом (рис. 3,1–12) [5]. Пряжки и наконечники в стиле клуазоне датируются второй половиной V в. [11, с. 110; 27, р. 207–209].

Группа престижных находок постгуннского времени зафиксирована в бассейне Нижнего Дона. Это, в первую очередь, две женские ингумации в Морском Чулеке близ дельты Дона. Погребения содержали женские украшения, во второй могиле в ногах находились элементы парадной конской сбруи (рис. 6–9). Оба захоронения, судя по богатству инвентаря, несомненно относятся к числу «княжеских» и датируются второй половиной V – началом VI вв. [полная публикация: 11]. О высоком ранге погребенной в могиле 2 свидетельствуют и два «статусных» золотых браслета с расширенными концами и латинской весовой надписью (рис. 8). Здесь уместно вспомнить посольство сарагур, оногур и урогов, явившееся в 463 г. в Константинополь с предложением дружбы [3, с. 62] и наверняка получившее богатые дары [о дипломатических дарах см. подробнее: 11, с. 92–95]. Золотые калачевидные серьги, скорее всего, происходящие из богатого погребения, были найдены в Верхне-Кур-

⁶ Благодаря Клауса фон Карнап-Борнхайма за любезно предоставленную фотографию этого предмета.

молярской, несколько восточнее дельты Дона (рис. 6,11,12). Они аналогичны найденным в погребении 1 Морского Чулека (рис. 6,1,2) и, по всей вероятности, относятся к тому же времени [11, с. 12, 13].

Надо упомянуть и комплекс в могильнике Ливенцовский VII, курган 35 [6]. Здесь была обнаружена каменная площадка с вещами, костями животных, редкие и мелкие обломки сожженных костей. Под каменной площадкой была выявлена небольшая яма, также содержащая вещи. Среди найденных вещей выделяются предметы вооружения, элементы ременной гарнитуры и, вероятно, конской узды (рис. 10). Исследователи памятника обоснованно определяют его как поминальный комплекс, подчеркивают его «воинский» характер и относят по имеющемуся инвентарю к юстиниановской эпохе [6, с. 36, 37].

Золотые монеты второй половины V – середины VI вв. в северопонтийском Барбарикуме известны в бассейне Нижнего Дона, в степной зоне (рис. 1,8–10). Это находки из Луганска [монета Юстиниана – 18, № 232], Белояровки [монеты Юстиниана – 18, № 253], Лимаривки [монета Юстина и сасанидский сосуд, возможно, из погребения – 18, № 231]. Скорее всего, эти монетные находки связаны с гунно-болгарскими кочевниками, занимавшими в это время донские и приазовские степи.

Итак, богатые находки и золотые монеты маркируют центры власти в постгуннской степи. Особо следует отметить богатство находок в Ялпуге и Морском Чулеке, очевидно связанное с очень высоким статусом погребенных там людей. Можно предположить, что обе находки достаточно точно указывают на локализацию центров власти у степных кочевников послеаттиловской эпохи. Скорее всего, с болгарами, или же с гуннами сыновей Атиллы, связаны находки в Ялпуге, Новогригорьевке и Ольвии. Донские находки и золотые монеты указывают на существование здесь некоего центра власти, связанного с оногурами [15]. Наконец, погребение из Чикаренко в Крыму может принадлежать альциагирам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. и ком. М. В. Левченко. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 222 с.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
3. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
4. Ахмедов И.Р. Металлические детали декора жестких седел Восточной Европы гуннского и постгуннского времени. К изучению вопросов происхождения и классификации // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: Государственный Исторический Музей, 2012. С. 19–48.
5. Баранов И.А. Погребение V в. н.э. в Северо-Восточном Крыму // СА. 1973. № 3. С. 243–245.
6. Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 25–48. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).

7. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 216 с.
8. Дзиговский А.Н., Савельев О.К. Гунны // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса, 2013. С. 696–703.
9. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV –V вв.). СПб.: Эллипс ЛТД, 1994. 222 с.
10. Засецкая И.П. Классификация обкладок ленчиков седла V – первой половины VI вв. // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 142–146.
11. Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
12. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Латинский текст, вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2001. 508 с.
13. Казанский М.М. Древности постгуннского времени на юге Восточной Европы и ангискиры // *Scripta Antiqua*. 2011. Вып. 1. С. 27–49.
14. Казанский М.М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.
15. Казанский М.М. Оногуры в постгуннское время на Дону // *Дивногорский сборник*. 2016. Вып. 6. С. 96–111.
16. Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 97–108.
17. Капошина С.И. Золотые серьги из Ольвии // КСИА. 1950. Вып. 33. С. 103–109.
18. Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 64 с. (САИ, Вып. Е4–4).
19. Паламарчук С.В., Фокеев М.М. Вещевой комплекс Ялпугского клада // Древнее Причерноморье. 2011. Т. IX. С. 366–382.
20. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 488 с.
21. Приск Панийский. Готская история // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб.: Тип-я Имп. Академии Наук, 1890. С. 810–847.
22. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
23. Равеннский Аноним. Космография // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. С. 161–286.
24. Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 224 с.
25. Храпунов И.Н., Казанский М.М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 167–190.

26. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments // *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert* / Hrsg. C. Bálint. Budapest, Napoli, Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. P. 13–70.
27. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle* / Eds. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 1995. P. 207–216.
28. Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 230 p.
29. Bărbulescu M. Mormântul princiar germanic de la Turda. Cluj-Napoca: Tribuna, 2008. 388 p.
30. *Johannis Antiocheni Fragmenta* // *Fragmenta Historicorum Graecorum* / Ed. C. Müller. Paris: A. Firmin-Didot, 1851. Vol. IV. P. 534–622.
31. Kazanski M. Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la région pontique // *Přehled výzkumů*. 2017. Vol. 58-1. P. 65–84.
32. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // *Antiquités Nationales*. 1996. Vol. 28. P. 203–209.
33. Kiss A. Archäologische Angaben zur Geschichte der Sättel des Frühmittelalters // *Alba Regia*. 1984. Vol. XXII. S. 189–207.
34. Levada M., Saveliev O. Découverte "princièrè" de l'époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danube). Note préliminaire // *Přehled výzkumů*. 2017. Vol. 58-1. P. 85–89.
35. Paul Diacre. Histoire des Lombards. Tournhout: Brepols, 1994. 208 p.
36. Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1965. 144 p.
37. Von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia // *Germania*. 1995. Bd. 73/1. S. 151–155.

REFERENCES

1. Agafij. *O tsarstvovanii Yustiniana*. Moscow, Leningrad, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1953, 222 p.
2. Ajbabin A.I. *Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol, Dar Publ., 1999, 352 p.
3. Artamonov M.I. *Istoriya khazar*. Leningrad, Ermitazh Publ., 1962, 524 p.
4. Akhmedov I.R. Metallicheskie detali dekora zhestkikh sedel Vostochnoj Evropy gunnskogo i postgunnskogo vremeni. K izucheniyu voprosov proiskhozhdeniya i klassifikatsii. D.V. Zhuravlev, K.B. Firsov (Eds.), *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoj*, Moscow, Gosudarstvennyj Istoricheskij Muzej Publ., 2012, pp. 19–48.
5. Baranov I.A. Pogrebenie V v. n.e. v Severo-Vostochnom Krymu. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, No 3, pp. 243–245.
6. Bezuglov S.I., Il'yukov L.S. Pamyatnik pozdnegunnskoj epokhi v ust'e Dona. Yu.K. Guguev (Ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona*, Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., 2007, pp. 25–48. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona. Vol. II).
7. Gadlo A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* Leningrad, Leningradskij universitet Publ., 1979, 216 p.
8. Dzigovskij A.N., Savel'ev O.K., Gunny I.V. Bruyako (Ed.), *Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya*, Odessa, 2013, pp. 696–703.
9. Zaset'skaya I.P. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepej v gunnskuyu epokhu (konets IV –V vv.)*. St-Petersburg, Ellips LTD Publ., 1994, 222 p.

10. Zasetskaya I.P. Klassifikatsiya obkladok lenchikov sedla V – pervoj poloviny VI vv. Zasetskaya I.P., Kazanskij M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S. *Morskoj Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu*. St-Petersburg, Ermitazh Publ., 2007, pp. 142–146.
11. Zasetskaya I.P., Kazanskij M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S. *Morskoj Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu*. St-Petersburg, Ermitazh Publ., 2007, 212 p.
12. Iordan. *O proiskhozhdenii i deyanijakh getov. Getica*. St-Petersburg, Aleteja Publ., 2001, 508 s.
13. Kazanskij M.M. Drevnosti postgunnskogo vremeni na yuge Vostochnoj Evropy i angiskiry. *Scripta Antiqua*, 2011, Vol. 1, pp. 27–49.
14. Kazanskij M.M. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprov'e v VII v. A.M. Oblomskij (Ed.), *Problemy vzaimodejstviya naseleniya Vostochnoj Evropy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov*, Moscow, Institut arkheologii RAN Publ., 2014, pp. S. 45–137.
15. Kazanskij M.M. Onogury v postgunnskoe vremya na Donu. *Divnogorskij sbornik*, 2016, Vol. 6, pp. 96–111.
16. Kazanskij M.M., Mastykova A.V. Zhenskie mogily znati postgunnskogo vremeni v pontijskikh stepyakh i konstantinopol'skaya moda. T.A. Pavlenko, R.B. Skhatum, V.V. Ulitin (Eds.), *IV «Anfimovskie chteniya» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza*, Krasnodar, Traditsiya Publ., 2014, pp. 97–108.
17. Kaposkina S.I. Zolotye ser'gi iz Ol'vii. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1950, Vol. 33, pp. 103–109.
18. Kropotkin V.V. *Klady vizantijskikh monet na territorii SSSR*. Moscow, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1962, 64 p. (Svod arkheologicheskikh istochnikov, Vol. E4–4).
19. Palamarchuk S.V., Fokeev M.M. Veshchevoj kompleks Yalpugskogo klada. *Drevnee Prichernomor'e*, 2011, T. IX, pp. 366–382.
20. Podosinov A.V. *Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoj traditsii*. Moscow, Indrik Publ., 2002, 488 p.
21. Prisk Panijskij. Gotskaya istoriya. Latyshev V.V. *Izvestiya drevnikh pisatelej o Skifii i Kavkaze. Tom I. Grecheskie pisateli*, St-Petersburg, Akademiya nauk Publ., 1890, pp. 810–847.
22. Prokopij iz Kesarii. *Vojna s gotami*. Moscow, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1950, 516 p.
23. Ravenskij Anonim. Kosmografiya. Podosinov A.V. *Vostochnaya Evropa v rimskoj kartograficheskoj traditsii*, Moscow, Indrik Publ., 2002, pp. 161–286.
24. Feofilakt Simokatta. *Istoriya*. Moscow, Akadimiya nauk SSSR Publ., 1957, 224 p.
25. Khrapunov I.N., Kazanskij M.M. Pogrebenie № 114 na mogil'nike Neizats (predgornyj Krym) i drevnosti kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya vtoroj poloviny V – pervoj poloviny VI v. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*, 2015, Vol. 238, pp. 167–190.
26. Adams D. The Development of Early Garnet Inlaid Ornaments. C. Bálint (Hrsg.), *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert*, Budapest, Napoli, Roma, Archäologisches Institut der UAW, 2000, pp. 13–70.
27. Ajbabin A. Les tombes des chefs nomades en Crimée de la fin du IVe au VIe siècle. F. Vallet, M. Kazanski (Eds.), *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, Association française d'archéologie mérovingienne, 1995, pp. 207–216.
28. Arrhenius B. *Merovingian Garnet Jewellery*, Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1985, 230 p.
29. Bărbulescu M. *Mormântul princiar germanic de la Turda*. Cluj-Napoca, Tribuna, 2008, 388 p.

30. Johannis Antiocheni Frangmenta. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, Paris, 1851, Vol. IV, pp. 534–622.
31. Kazanski M. Tombes des élites steppiques de l'époque post-hunnique dans la région pontique. *Přehled výzkumů*, 2017, Vol. 58-1, pp. 65–84.
32. Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné. *Antiquités Nationales*, 1996, Vol. 28, pp. 203–209.
33. Kiss A. Archäologische Angaben zur Geschichte der Sättel des Frühmittelalters. *Alba Regia*, 1984, Vol. XXII, pp. 189–207.
34. Levada M., Saveliev O. Découverte “princièrè” de l'époque des Grandes Migrations près du lac de Jalpug (delta du Danube). Note préliminaire. *Přehled výzkumů*, 2017, Vol. 58-1, pp. 85–89.
35. Paul Diacre. *Histoire des Lombards*. Tournhout, Brepols Publ., 1994, 208 p.
36. Ross M.C. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2*. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1965, 144 p.
37. Von Carnap-Borheim C. Eine cloisonnierte Schnalle mit wabenförmigem Zellenwerk und Almandinrundeln aus Olbia. *Germania*, 1995, Bd. 73/1, pp. 151–155.

M. M. KAZANSKI

National Centre for Scientific Research (CNRS) (Paris, France)

CENTRES OF POWER AMONG THE BLACK SEA HUNNO-BULGARS IN THE POST-HUNNIC PERIOD

Abstract: This paper presents an attempt to determine the geography of the centres of power of steppe tribes in the second half of the fifth and the first half of the sixth century, in the area between the Danube and Don basins, according to archaeological account. Rich and prestigious finds, graves, funeral assemblages, and gold coins marked the centres of power in the Post-Hunnic steppe. It should be especially mentioned that rich finds in Yalpug, near the delta of the Danube, and in Morskoj Chulek, near the estuary of the Don, were possibly related to especially high status of persons buried there. One can suppose that both finds quite exactly indicated the centres of power among the steppe nomads of the post-Attila age. Perhaps the finds in Yalpug, Novogrigor'evka (on the Dnieper), and in Olbia were related to the Bulgars or the Huns of Attila's sons. The finds and gold coins from the Don area indicated that there was some centre of power related to the Onogurs. Finally, the burial in Chikarenko in the Crimea could belong to the Altziagiri.

Keywords: Northern Black Sea Area, Post-Hunnic period, “princely” finds, Huns, Bulgars, Onogurs.

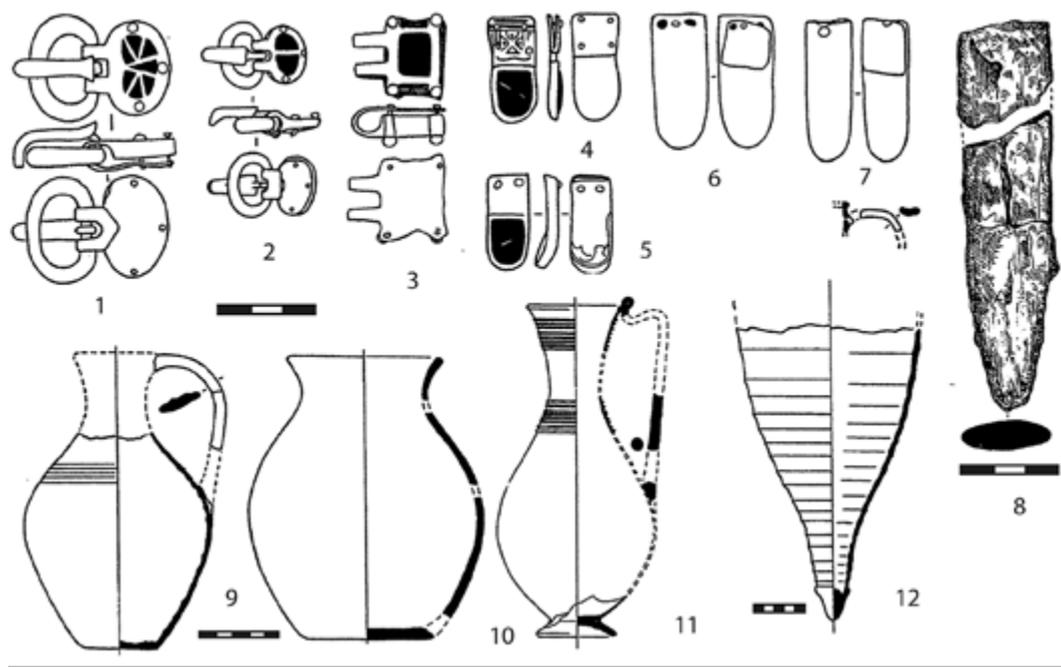

Рис. 3. Вещи постгуннского времени из находок в Чикаренко (1–12) и Новогригорьевке, могила VII (13–22) [1-12 – по: 27, fig. 5; 13-22 – по: 11, рис. 40,1-10].

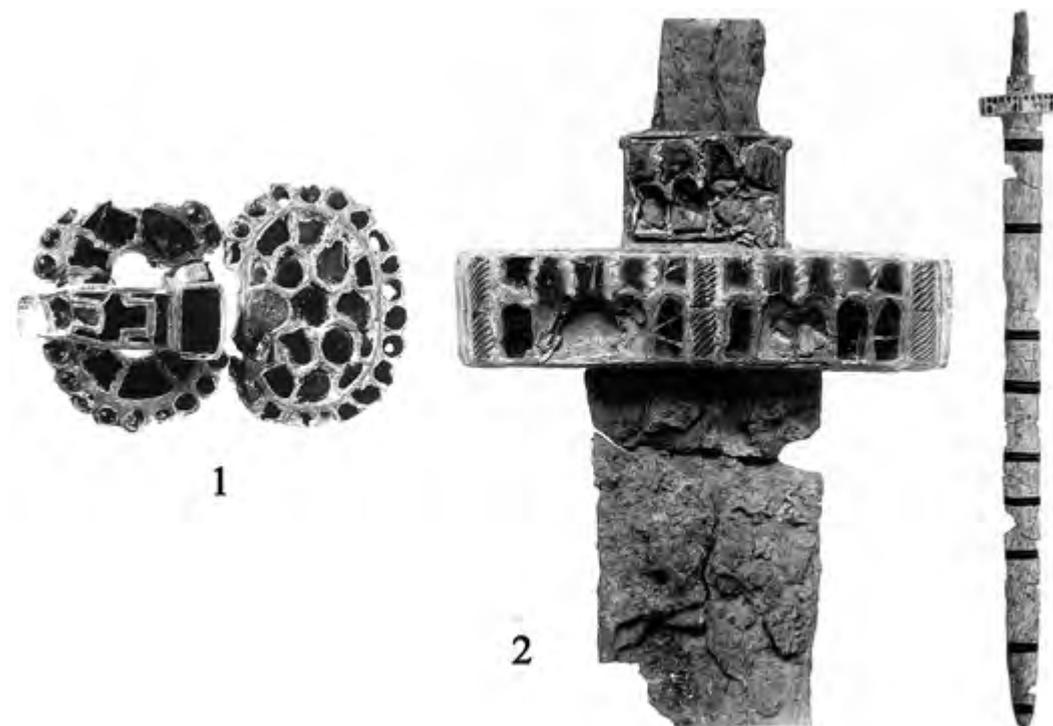

Рис. 4. Меч из погребения в Дмитриевке (1) и пряжка из Ольвии (2) [1 – по: 11, рис. 34; 2 – по: 37, Abb. 1]. 1 – Фото К. фон Карнап-Борнхайма.

Рис. 5. «Клад из Ольвии» [по: 36, pl. LXXIX–LXXXII].

Рис. 6. Находки из погребения 1 могильника Морской Чулек (1–10) и случайная находка из станицы Курмоярская (11–12) [по: 11, табл. I, рис. 1].

Рис. 7. Находки из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: 11, табл. II].

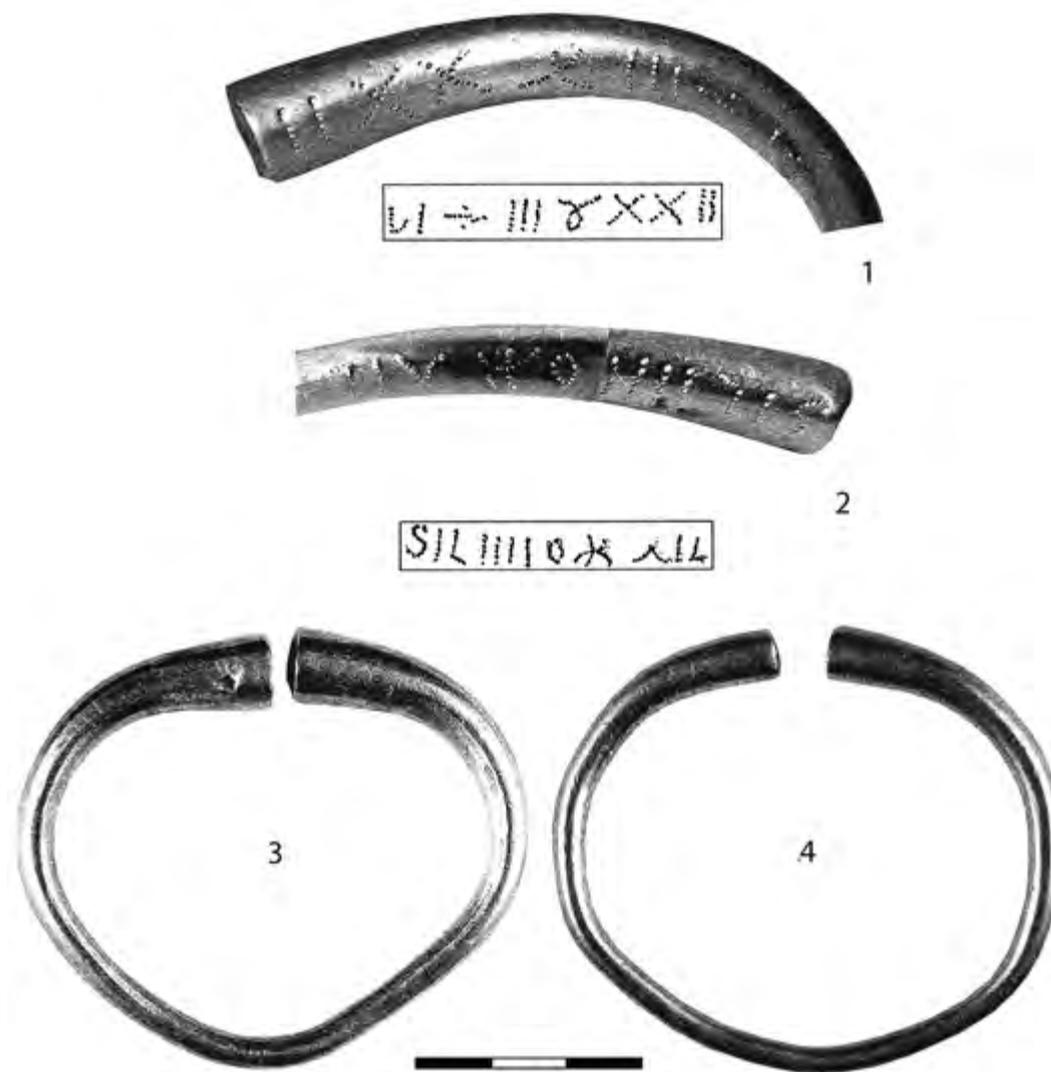

Рис. 8. Браслеты из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: 11, табл. III].

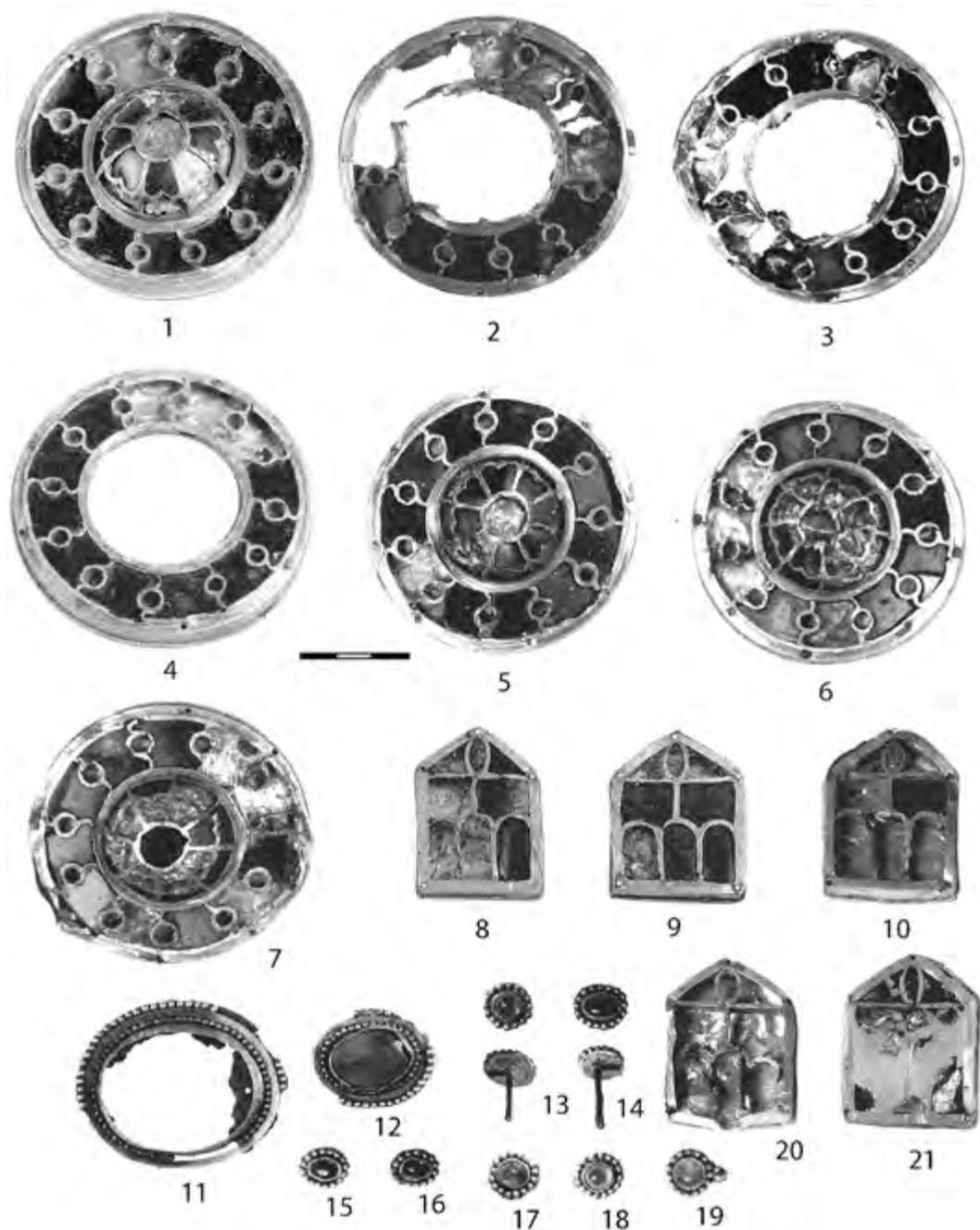

Рис. 9. Элементы конской упряжи из погребения 2 могильника Морской Чулек [по: 11, табл. IV].

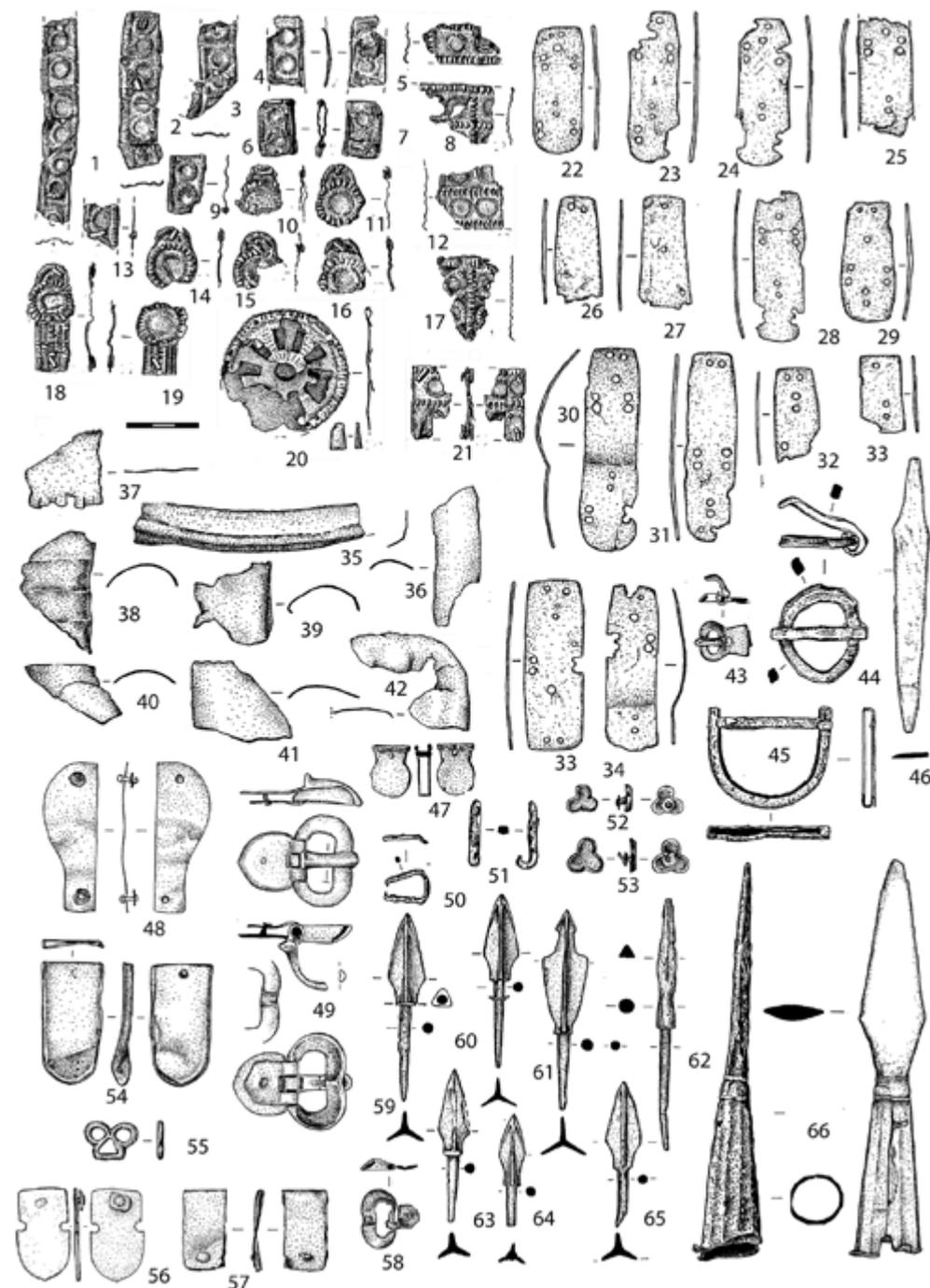

Рис. 10. Вещевые находки из кургана 35 в некрополе Ливенцовский VII [по: 6, рис. 4-9].